

А ВОТ ПИРОГИ — ВСЕ К НАМ БЕГИ! С ЯЙЦОМ И ЛУКОМ — КОПЕЙКА ШТУКА! С МЯСОМ
СОМОВЫМ, ЕЩЕ НА ЗДОРОВЬЕ. ВСЕМ НРАВИТСЯ, НИКТО НЕ ПОДАВИТСЯ!
САМА ПЕКЛА, ВАМ ПРИНЕСЛА!

Матрёнины пироги

Святослав Логинов

Весь день бирючи, надрываясь, выкрикивали по площадям и улицам указ, чтобы мочный люд работу бросал и собирался на войну. Дело такое, не мы войной пошли, а на нас. В таком разе дружиной не оборонишься, всем народом отбиваться надо. Обкричали весь город, только Небожью слободу стороной обошли. Народец там живет негодящий, некому оттуда на войну идти. Однако зашевелилась и Небожка; все на рать, так и я бежать... В Пусынином доме крик ором стоял. Что там Пусыня твердил, людям не слышать было, а Авдотын голос доверху доносился. Вот ты кому бирючом быть.

— Совсем старый с глзду съехал! Какой тебе войны захотелось? Тебе только тараканов по печи гонять!

По всякому пустому делу баба завсегда мужика перекричит, но тут Авдотья умолкла и в скором времени появилась в проулке, таща в охапке боевой дедов кафтан, прошитый стальной нитью. Повесила на плетень и принялась выбивать палкой залежалую пыль. Лупила так, что никакому супостату не ударить. Клубы ржавой пыли вздымались облаками, и понятно было, что эта битва для древнего доспеха будет последней.

Малые мальчишки, которых в Небожке бегала тьма, и все как один — сыновья молодых вдовиц, называющие тятями всякого встречного мужчину, нарезали из лозняка сабелек и порубали непокорные головы окрестным репейникам.

Пропойцы, которым и места нигде, окромя Небожки, не осталось, дружной толпой рванули в кабак. Онова, мол, на войне пропадать. Никакая вражья твердыня их напора не выдержала бы, но кабатчик Донатыч и не такое выдывал, так что никому халявной выпивки не досталось.

Коснулось общее волнение и Матрёниной избы.

— Бабушка, — спросила Мотря, — а нам тоже на войну идти надеть?

— Я те дам — на войну! Наше дело пироги да сайки, а не сабли да сулицы. Давай, тесто меси. Гладко не вымесишь, пирог пышным не получится.

— Мучицы бы добавить. Жидковато тесто.

— Ха! С мучицей кто угодно вымесит. А ты так сумей.

Разговоры не мешали стряпухам делать дело. Мотря, сирота, взятая в обучение, месила тесто в преогромнейшей деже, а Матрёна занималась начинкой: двумя ножами рубила на доске сомовину. Вчера, когда о войне еще никто не слыхивал, рыбаки вытащили из речки двухаршинного сома. Целую рыбину купить никто не мог, и сома продавали на вес. Матрёна купила четыре пласта едва не в пуд весом, и теперь пирожницы готовились выпекать пироги с сомовиной. Зеленого лука был настрижен целый таз, розоватое рыбье мясо нарублено приличными кусочками. Начинку оставалось только посолить, но это делается в последнюю минуту.

Матрёна в большой миске перемешивала рыбу с луком. Мотря отвалилась от дежи и выдохнула:

— Кажись, всё.

— Не кажись, а всё, — ворчливо согласилась Матрёна. Разделочный стол присыпали мукой, вывалили тесто. В две скалки принялись раскатывать. Пару преогромных пирогов с рыбой выложили на глиняные противни и оставили в сторону. Не дашь пирогу расстояться, сразу сунешь в печку, такое спечется, что только волку по зубам. Пока суть да дело, в оставшийся лук покрошили пяток крутых яиц, сдобрили топленным маслицем и налепили еще два противня пирожков с зеленым луком.

Последние остаточки теста пошли на плюшки. Их лепили с завитком, с подвыподвертом, сверху мазали медом и густо посыпали маком.

— В полях мак цветет, — вздохнула Мотря, — накрасно. Как кровью по траве спрыснуто.

— Ты бы язычок за зубами придержала. Война у ворот, а она про кровь на траве! Гляди, как бы не сглазить.

— Баба Матрёна, да сколько тому цвету быть? День — и осыплется. В прошлом году тоже цвело накрасно, а мак не вызрел. Натрусили всего ничего, сейчас остаточки досыпаем.

— И что с того? Семь лет мак не родился, а голоду не было. Сыпь, не жалея. Будет мак — будет смак. Не будет мак, проживем и так. Поглянь, как там печка? Не пора пироги ставить?

Мотря отложила кубышку с маком, вооружилась кочергой, отодвинув закрышку печи, принялась шуровать в черном зеве.

— Ты смотри, сама там не спекись, — предупредила Матрёна. — С потрохами в самый жар влезла.

— Ничто со мной не сделается, — донесся Мотрин голосок. — Разве что подрумянюсь малость.

Мотря отложила кочергу, взялась за помело, то, что поновее, из можжевельных веток. Старое помело, лыковое уже изрядно износилось и доверия не вызывало. Через минуту печной под был начисто выметен, зола ссыпана в надтреснутый, перепеленатый берестой горшок.

— Готово. Можно ставить.

— Чисто ли вымела? — проворчала Матрёна, но перепроверять не стала.

Двоем они загрузили в печь два больших противня с рыбными пирогами, два поменьше, на которых уложены пирожки с зеленым луком. И у самого края нашлось местечко для маковых плюшек. Прикрыли печь, на минуту сели, сложа руки.

Долго рассиживать не пришлось, это лепить пироги муторно, а в вольном жару пекутся они мигом, только следы, чтобы не сжечь.

Пирожницы успели наскоро переодеться в торговое платье, подготовить сбруйку, достать из погреба напиток, сготовленные с вечера. Сухая ложка рот дерет, и пирог

ФАНТАСТИКА

без запивки в горло не больно лезет. Едва успели всё обрядить, настала пора пироги из печи доставать.

Пироги румяные, духмяные – горячи, только из печи. Сами бы ели, да деньги надо.

Живой рукой разложили печеное на подносы, прикрыли рединкой, затащили на плечах сбрую и, трудно ступая, отправились на торг.

Народу на площади, что и в базарный день не встретишь. Ратники и ополченцы, всех сословий люди. Враг, говорят, к самому городу подошел, так что дым видать от горящих сёл. Непременно сегодня быть сече. В такой день воинский люд копейки не считает, а пирога всем хочется. Был бы пирожник мужиком, что от ратного дела уваливает, так у него бы пироги отняли и самого побили. А старушку с девочкой обижать грех; у них торговля бойко пошла.

Матрёна завопила в голос, созывая покупателей:

— А вот пироги — все к нам беги! С яйцом и луком — копейка штука! С мясом сомовым, ешь на здоровье. Всем нравится, никто не подавится! Сама пекла, вам принесла!

Рядом Мотря звенит голосишком, даром, что малая, а слышать по всей площади:

— Всех напою брусничной водою, квасом, сытою! Налетай, босота кому охота! У нас с Матрёной квасок ядрёный!

Расторговались, сами не заметили как.

Налегке решили подняться на стену, глянуть, что за городом творится. А то досужие разговоры слушать, так хоть и вовсе не живи.

Со стены видно далеко и ясно. Кое-где поднимались дымы, и было понятно, что горят пригородные сёла. А так врага и не видать, ни под стенами, ни вдали. Потом за лесом появились оружные люди. Шли пеши, а вернее — бежали, торопясь уйти с открытого места. Матрёна приложила ладонь ко лбу, вглядываясь в синеющую даль, и сказала:

— Наши это. Засечный отряд бежит за стены прятаться. Плохо дело, раз на засеках не удержались.

Следом из-за леса выметнулась конная лава. С полу-взгляда было видно, что это чужаки: тонкие пики, сабли, лисьи шапки и халаты, наподобие боевого кафтана деда Пусыни. Быть бы нашим порубанными, но не растерялись, выстроились ежом, загородились щитами, над которыми вздымался частокол копий. Не жаль себя и коня — нападай. Из центра ежа полетели стрелы. Били редко, по всему видать — скудались боевым зарядом.

Городские ворота отворились, оттуда на выручку своим поскакала конная дружина. Честного боя степняки не приняли, откатились назад. Еж распался, пешие воины побежали к спасительным стенам.

— А!.. Смотрите! — закричал кто-то из толпящихся на валу людей.

Поначалу показалось, будто далеко у самого окоёма кружат огромные птицы – орлы или коршуны. Неведомые летуны приближались, и уже было понятно, что таких орлов и таких коршунов не бывает. Тройка летучих ящеров, драконов в самоцветной броне, неуязвимых и недостижимых в небесной выси, пала тройка на людей, словно кречет на зайца. Темное пламя с гулом извергалось из утроб, люди, настигнутые огнем, падали и больше не поднимались.

Тучи стрел взметнулись навстречу крылатой смерти. Стреляли со стены, стреляли и с земли, безоглядно растрачивая последний запас. Наверное, и у бронированных чудищ имелись уязвимые места, потому что, встретив отпор, драконы повертели назад. Один из них

отвалил немного в сторону и плюнул огнем на вершину холма, где крутилась ветряная мельница. Деревянная постройка вспыхнула разом от крыльев до поворотного механизма.

— Это же Петрова мельница! — закричала Мотря. — Он для нас муку мелет!

— Идем домой! — отвечала старуха. — Тут мы ничего не высмотрим.

Матрёна большими шагами шла к Небожьей слободе. Мотря едва попевала следом, порой переходя на трусцу.

— Бабушка, куда мы бежим?

— Домой! Ну, я этим воякам покажу! Лопнуло мое терпение. Пока мужики свою войну воевали, я не мешалась. Не женское это дело — саблей махать. Но раз они змеюку поганую с собой притащили... я с этой змеюкой таких пирогов напеку — заворот кишок случится!

— У нас муки не хватит, змею поганую запечь. И как потрошить ее, я не знаю. Нож, поди, затупится.

— Ничо, управимся. По сусекам поскребем, оно и хватит. А потрошить змею и вовсе не станем, в пирог всё завернешь...

Матрёнин дом во всей слободе был самым большим. На улицу тремя окнами смотрела белая изба, а за ней, ниоткуда не видимый, прятался наполовину ушедший в землю зимник. Был он укрыт ото всех ветров, а печь в нем стояла такая, что в ней можно было мыться, словно в бане, а на печной лежанке не один человек мог улечься, а пятеро в ряд. В этой печи Матрёна с Мотрей и пекли пироги, знаменитые на весь городской рынок.

Матрёна, не заходя в чистую избу, направилась в зимник. Поставила на место подносы, скинула сбрую и торговое платье, оставшись в серой исподней рубахе. На рубаху, не надевши рабочего платья, повязала передник. Скинула платок, распустила по плечам седые волосы. Мотря, замерев, следила за старухиными приготовлениями.

Под завязки передника Матрёна засунула пожелтевшую от долгого употребления скалку. Высунулась в сени, вернулась с метлой, которой по воскресеньям мели проулок.

— Помело, говорят, лучше будет, — нерешительно подсказала Мотря.

— Умная... — протянула Матрёна. — А теперь умишком своим сообрази, что годы мои не маленькие, отяжелела я, помело меня, поди, и не снесет. На метле — вернее.

— Бабушка, ты меня с собой возьми, — попросила Мотря.

— И думать не моги! Там не забава, а бой кровавый. Дома будешь сидеть, кашу варить.

— Какую кашу? Зачем?

— Пшённую! Завтра пшенички стряпать будем, так чтобы всё было готово!

— Мука на исходе. Змею запекать, так всё потратим, на пшенички горстки не останется.

— Ну, Мотря, ты простота! Тебе, что ни скажешь, ты всё за чистую монету принимаешь. В общем, из дома носа не высовывай, и чтобы каша к сроку была готова. Да смотри, пшено промой, как следует.

Матрёна гикнула, взмахнула метлой и исчезла в устье печи.

Казалось бы, какова ни будь печь, а с метлой промез ног — не развернешься, однако печь крякнула и выпустила Матрёну через трубу. Так-то не полагается ведьме среди дня по поднебесью летать, а пришлецам драконов приводить — полагается?

Мотря осталась одна. Кашу варить... Даже ногой топнула от обиды. Сама Матрёна небось не такую кашу заваривает, а ее дома оставила.

Распустила волосы, скинула сарафан. Оглядела себя придиричиво. Коротка рубашка, днем в такой летать на виду всего народа — срамно. А и плевать! Дед Ефрем сказку баял про молодую ведьму Катюку Сорочку, так у нее рубашка еще короче была, а охальничать да смехи над Катюкой смеять никто не смел.

Перепоясалась передником, выбрала скалку поздоро-вее. Нерешительно протянула руку за помелом. Какое выбрать? Лыковое постарее, поопытнее, а вересовое Мотря сама вязала, оно к руке ближе, да и не обшарпанное. Схватила вересовое и, зажмурясь, нырнула вслед за бабкой Матрёной.

Дневной свет ослепил в первое мгновение. Мотря ввинчивалась в небесную синь, что бурав в сосновое бревно. Красота несказуемая — дух захватывает! Не так часто выпадает ведьме случай безвозбранно летать среди бела дня на виду у целого города.

Опомнившись, Мотря приостановила подъем и огляделась. Город отсюда, почитай, не различим, только княжий терем сереет тесовой крышей, да вытопанным квадратом темнеет базарная площадь. Заросшие муравой улочки и окруженные садами дома сливаются в одну зеленую купу — не поймешь, город или роща. А вот села, по которым прошел враг, выделялись черными проплешинами. Такие горелые пироги стряпает война.

Матрёну удалось найти не сразу, и если бы не вспышки драконьего пламени, то и вовсе бы не разглядеть. Старуха носилась над самым лесом, ловко уворачиваясь от драконов, впуская пыхающих огнем. Драконов было три, но один в первую же минуту остался без всадника и не столько гонялся за противницей, сколько впуская валит лес. То-то дешево дрова будут по осени!

Серьезного перевеса не было ни у одной из сторон, но издалека, от лагеря Шайтан-Мурзы на помощь своим летел еще один змей. Был он крупней собратьев, издали броня его казалась аспидно-черной. Черным было и одеяние драгуна, лишь золотая шапка сияла нестерпимой искрой. Вот на золотую шапку и нацелила Мотря свой удар. Она развернула помело и помчалась, обгоняя собственный визг.

Вряд ли драгун (именно так называют наездников на драконах) успел понять, что произошло. С налета отоварить скалкой по темени, тут никакая шапка не спасет. Драгун кувырнулся вниз, а поскольку сам летать не умел, то всей жизни ему оставалось полверсты до земли.

На этом Мотре надо было бы бросить одуревшего ящера, поспешить на помощь уставшей Матрёне, но безрассудная девчонка сделала свечку и грохнулась напрямик на спину огнедышащего зверя.

Дракон гневно вострубил и винтом ушел в небо.

Удержаться на спине взбесившегося чудовища почти невозможно. Драгунов учат этому искусству годами. Тут нужна могучая сила и невероятная ловкость. Сорвешься со спины, шипастый хвост изрубит в мясную начинку, как Матрёне вовек не измолоть. Ловкости Мотре было не занимать, а вот силы, что у мыши-амбарницы, потому управлять драконом, сидя в принайтовленном креслице, Мотря и не пыталась. Шея у дракона гибкая, как и положено змее; на кресле сидючи, можно на зуб попасть, если не удержишь стальные поводья. Сколько тесто ни меси, а на такую работу силы не накопишь. Тут не пирожницей надо быть, а кожемякой.

ФАНТАСТИКА

И всё же Мотря сдаваться не собиралась. Она вскочила на самый змеиный загревок и что есть мочи шмякнула скалкой:

— На, тварь!

Скалка переломилась. Змея, кажется, и не заметила удара.

Мотря взмахнула помелом и, забыв, что нужно оно для полета, а не для драки, принялась охаживать огнедышащее чудовище вдоль ушей, по носу и вообще куда ни по-подя. Колючие можжевельные ветки не много вреда могли нанести бронированной морде, но Мотря продолжала лупцевать несущегося дракона.

— Вот тебе! Вот... Тва-арь!..

Первого драгуна Матрёна сбила, пользуясь тем, что никто не ожидал нападения. Налетела, что ястреб на цыплят, тукнула недруга по макушке, он и закувыркался на землю, собирать свои косточки. Двое уцелевших такого уже не позволяли. Они методично теснили старую ведьму, прикрывая друг друга и стараясь зажать Матрёну в тиски. Покуда Матрёне удавалось уйти от ударов и жгучего пламени, но долго так продолжаться не могло. Прижмут к земле, тут тебе и крышка — большая, крылатая, огнедышащая.

Но в самый разгар круговерти объявилось такое видение, что и во сне случается лишь на обманный понедельник. Огромнейший темный дракон, без всадника да и вовсе без упряжи, несся, не желая замечать преград, а вокруг, словно кусачая муха вилась летящая на помеле Мотря. Видок у девки был — раз глянешь, не проморгаешься. Но Мотре начхать было на девичью стыдливость. Раз за разом она налетала на чудовище, соскакивала с помела, в падении била можжевельной вязкой по удивленной змеиной морде и вновь подхватывалась на воздух. За общим шумом визга слышно не было, хотя визжать Мотря умела — будь здоров.

Вся эта свистопляска со страшным треском врезалась в бок одному из драконов, атаковавших Матрёну. Что случилось с наездником, он и сам, наверно, не понял, а сбитый дракон закувыркался к земле, где слепящая вспышка навеки обозначила место, что у потомков будет называться Горелым логом.

Темный дракон словно не почувствовал удара. Ни скорости он не снизил, ни направления не изменил, продолжал нестись незнамо куда, и по-прежнему мухой кружила вокруг Мотря на помеле.

Зато в битве старой ведьмы пронесшаяся дикая охота произвела решительный перелом. Опытная ведьма всегда переиграет одинокого дракона и собьет с его спины всадника. Дракон останется жив и неуязвим, но им никто не будет управлять. Сорвать сбрую, стальные трензеля, разрывающие пасть, дракон, скорее всего, не сможет и

через полгода-год издохнет в каком-нибудь логове. За эти полгода он может нанести прорву вреда, но гораздо меньше, чем если бы им руководила воля драгуна.

Последнего всадника Матрёна спешила почти у самой ставки Шайтан-Мурзы. Убедившись, что недруг сломал шею, Матрёна поспешила домой. Тревожно было за девочку, где еще такую найдешь.

На виду у города Матрёна маячить не стала, и без того разговоров не оберешься. Издали прицелилась и серой молнией ухнула в трубу. Уже в трубе почуяла неладное: жар был такой, что волосы затрещали и голик на метле затлел. Но в трубе не развернешься... Матрёна вывалилась в горячую печь, с воплем выкатилась наружу. Хорошо, кадушка с водой была полна, и всю воду Матрёна на себя тут же и вылила. Только после этого перевела взгляд на Мотрю, которая застыла, разинув рот.

— Ты что творишь, дурында?!

— Пироги пеку.

— Какие тебе пироги? С чем?

— С таким. Твареньку кормить.

— Какую еще Вареньку? — возвысила голос Матрёна.

Мотря схватила деревянную лопату, поддела на нее большой, неловко слепленный и слегка подпаленный подовый пирог и направилась к выходу в проулочек. Матрёна, не ожидая хорошего, двинулась следом.

В проулочке, укрывшись под старой, давно не плодоносящей грушей, лежал дракон. На земле он уже не казался столь громадным, как в воздухе. Крылья сложены, раздутый зоб опал. И цвет у него был не черный, а сапфировый. Бывают такие сапфиры — с виду черный камень, а в глубине отблескивает немыслимый синий огонь. При виде Мотри змеюка распахнула пасть, и девочка с маху отправилась туда горячий пирог. Пасть захлопнулась, дракон принялся громко жевать.

— Тваренька! — пропела Мотря. — Тварюша!

Ухватила оставленное у стены помело и принялась мутузить колючими ветками по драконьей морде. В утробе дракона глухо зарокотало.

— Ишь, как мурлычет! Ей нравится, когда колюченьким по носу.

— Не было у бабы печали, — промолвила Матрёна, — завела порося. Где мы твою Варю держать будем, чем кормить? Мурлыкать она мурлычет, а не кошка.

— Поселим в старом амбаре, — немедля нашла выход Мотря, — всё равно он пустой стоит. Стены квасцами обмажем, вот они и не загорятся. А кормить будем пирогами. Видела, как она хорошо кушает?

— Да уж, кушает она славно. Муку небось всю стравила? И дрова пожгла.

— Мучицы маленько осталось, а дров я ни полена не стратила. Нам теперь дрова вовсе без надобности. Вот, смотри: Тварюша, стопи печечку...

Чудовище сглотнуло остатки пирога, вытянуло змеиную шею, так что голова скрылась в доме. Там что-то громко упало, рокот сменился ревом, затем Матрёна увидела, как из трубы сажени на две выметнуло пламя.

— Перекалишь печь, — предупредила Матрёна, — пироги сгорят.

— На противне не сгорят, — отмахнулась Мотря, — а подовые мы Тваре отдадим.

— Экая ты шустрая! Где мы муку возьмем? Городская мельница сгорела, да и война не кончилась. Хлеб — что в зерне, что молотый — дорогонек будет. А и была бы мука, с чем пироги печь станем? На пирогах с таким не прожи-

вешь. Весна, время голодное. Со снытью, с крапивой, с кислицей — пироги дешевые, а сома тебе каждый день никто из реки вытаскивать не станет. Такие рыбины раз в три года попадают.

— Сама поймаю.

— Та поймаешь сома? Да тебе и карася не выудить!

— Да не про рыбу я говорю! Я сама по себе пойду и чего-нибудь сыщу для пирога. Мы с Тварей в лес полетим и заломаем лося. Или медведя... Пирог с медвежатиной — скажешь, плохо?

— С чего ты взяла, что твоя Варя будет помогать? Напоаётся пирогов и улетит в Дикую Степь.

— Не улетит. Она не умеет одна жить. Она была совсем змеюшенишем, когда ее из гнезда украли. А потом всю жизнь держали на цепи. Удила у нее, знаешь, какие были? Стальные, а на трензелях шипы вот такущие. У нее весь рот этими шипами истерзан. А я, когда Тварька на землю спустилась, железо с нее сняла и помелом приласкала. Ее никто раньше не приласкивал, так что она меня теперь не бросит.

— Кто тебе эту глупость сказал?

— Тваренька.

— Она, что, говорить умеет?

— Не-а. Говорить не умеет, а сказать может.

— Тебя слушать — последние мозги спекутся. Всё равно ничего из твоей охоты не выйдет. Весна, звери после зимней голодовки не отъелись, мясо у них тощее и воняет. Это не пироги будут, а позорище. Опять же, мукой в лесу ты не разживешься.

— По сусекам поскребу, — мрачно сказала Мотря. Потом глаза ее засверкали, и она добавила: — А можно еще так сделать... Мы завтра с Варей слетаем во вражий стан и притащим Шайтан-Мурзу. Он говорят, добренный, пудов десять будет. Никто не скажет, что у него мясо тощее. А ты сама учила, что в пирог всё завернешь.

— Совсем сдурела? Мурза хоть и Шайтан, а человеческого рода. Пироги с человечинкой только дикая Яга печет. Так ее даже черти боятся. И ты так же хочешь?

— Ну, баба-Матрёна, ты простота! — сквозь смех выкрикнула Мотря. — Тебе что ни скажешь, ты всё за чистую монету принимаешь. Ну зачем мне пирог с Мурзой? Мы Мурзу на веревке к князю притащим, а в награду потребуем полный амбар муки. У князя-то небось есть.

— Понятненько... — Матрёна недобро прищурилась. — Шибко взрослой себя вообразила? На войну без позволения умотала — я смолчала. Гаду огнедышащую в дом привела — я стерпела. А теперь, значит, над старухой смеяться повадно стало?

Матрёна ухватила метлу, корявыми пальцами распустила вицу, так что голик рассыпался на кучу прутьев, выбрала розгу подлинней, со свистом секанула воздух.

— Ты у меня узнаешь, как над старухой галиться! Марш в избу, ложись на лавку да подол задержи!

Такая она жизнь! Хоть геройствуй, хоть безобразничай — до поры всё с рук сходит. А потом прикажет бабушка — и ложись на лавку, подставляй голую попу под отчие шелёпы. И всей надежды, что смилуется Матрёна, не доведет дело до порки.

Мотря живо отпрыгнула в сторону, спряталась за сыто урчащим драконом.

— Бабушка, не надо розгой! Вон, Тварьку посеки, ей нравится, а меня не надо! Тварьку, Тварьку выпори! А я тебе пирожка спеку... сдо-обного!

